

Мои первые пять лет на мат-мехе

До мат-меха

На мат-мех я попал, в общем-то, случайно. Мой отец был военным электронщиком, поэтому я еще с шестого класса увлекся радиолюбительством. Особенно мне нравилось собирать нетривиальные радиотехнические устройства. Я думал поступать в Институт связи им. Бонч-Бруевича, который закончил мой отец, или в ЛЭТИ. Но за два месяца до окончания школы мой лучший друг и одноклассник Миша Стерлин мельком упомянул, что на мат-мехе, куда он собирается поступать, нет черчения, химии и начертательной геометрии, которые я ненавижу. Учились мы в 157-ой школе (около Смольного), кажется, это была первая математическая школа в Ленинграде, которая в сталинские времена была школой для детей ОБКОМовцев, а в хрущевские времена, чтобы не отдавать на разграбление старую гимназию, сделали из нее экспериментальную школу Академии Педагогических наук. Там было две ЭВМ Урал-1 и две «тетеньки» по 25 лет, которые умели их ремонтировать и программировать на них. Я решил, что это прямое продолжение радиолюбительства, поэтому мое первое знакомство с ЭВМ началось с изучения электроники. Я действительно научился их ремонтировать, а ломались они очень часто. По окончании школы я получил 1-ый разряд программиста (точно такой же, как у токарей и слесарей). Те, кто заканчивал одиннадцатый класс нашей школы получали 3-ий разряд, а я был первым выпуском десятого класса, поэтому до 3-го разряда не дотянул. 1966 год – самый кошмарный год для абитуриентов. Школу закончили одновременно выпускники десятых и одиннадцатых классов, поэтому конкурс в вузы просто удвоился. Школа была математическая, поэтому какая-то математическая подготовка у меня была, но ни в каких олимпиадах я не участвовал и вообще не связывал свою будущую жизнь с математикой. Но желание обойтись без химии и прочих глупостей пересилило. Я подал документы на мат-мех.

Поступление на мат-мех

В те годы самым страшным экзаменом была письменная математика. Задачи давали действительно очень трудные, обычно отбор завершался после первого же экзамена. Мы с Мишей Стерлиным получили по «4». Я радовался, а он огорчился. В отличие от меня, он с девятого класса изучал математический анализ, переписывался с известным ученым Г.Е. Шиловым, в учебнике которого по дополнительным главам матанализа он нашел несколько ошибок. Потом на устной математике я получил тоже «4», меня малость срезал А.В.Яковлев задачей по комбинаторике, которой не было в школьной программе. Через много лет, когда я уже стал профессором мат-меха, я напомнил ему об этом грустном эпизоде моей биографии. Оказалось, он помнил этот случай, сказал, что я был очень нахальным, что ему не понравилось. Потом была четверка по физике (я до сих пор абсолютно уверен, что меня незаслуженно обидели) и три балла по сочинению (я два раза написал «привЕлегия» в сочинении по образу врагов в романах Шолохова). В результате, Миша попал на дневное отделение мат-меха, но только на

механику, что его очень расстраивало, а я вообще не попал на дневное отделение. Правда, меня без экзаменов зачислили на вечернее отделение.

Первый год мат-меха

Тогда были довольно жесткие правила: если ты учишься на вечернем, то обязан работать. Я стал искать работу по специальности, но программисты нужны были только в военных организациях, а мне только что исполнилось 17 лет, поэтому даже разговоров о второй форме допуска не было. Особенно мне запомнилась двухчасовая беседа в 233-ем ящике (Дом Советов на Московском) с начальником ВЦ Кацевым Борисом Ароновичем. Он мне устроил настоящий экзамен, я все успешно выдержал, а потом он с сожалением сказал, что все равно ничего не выйдет из-за моей молодости. Через много лет он стал работать преподавателем на кафедре матобеспечения ЭВМ на мат-меха. Естественно, я ему напомнил о том случае, он сказал, что ему было просто интересно, чему учат в матшколах. Я искал работу целый месяц. Моя любимая классная руководительница Людмила Викторовна звонила мне чуть ли не каждый день, оказалось, что я единственный из 165 выпускников школы не поступил в вуз, а теперь я еще и тунеядец, поскольку не работаю, чем порчу их замечательную статистику.

Как-то в метро моя мать случайно услышала разговор, что на Фонтанке открылся новый институт «Ленэлектронмаш» и там набирают программистов. Точного адреса я не знал, но тут же рванул туда. Это было 1 октября 1966 года. Нашел довольно быстро – Фонтанка,6 – в этом здании было когда-то училище правоведения, в котором учился Чайковский. Именно про них сочинили песенку «чижик-пыжик, где ты был?». Встретил меня директор Вычислительного центра Зубарев Борис Иванович, очень доброжелательно побеседовал со мной, а когда увидел разряд программиста (напоминаю, самый низкий), так просто обрадовался и тут же взял меня на работу. В ВЦ было 2 машины Минск-22, человек 15 выпускников ЛЭТИ инженеров и ни одного программиста. Около месяца я был в подчинении у девушки-руководителя группы операторов, которые набивали перфоленты, а потом сам стал руководителем группы, в которой у меня было 4 подчиненных – все старше меня на 10 лет. Минск-22 я освоил довольно быстро, но остро чувствовал нехватку общения с коллегами. Мои подчиненные так и не научились реально программировать. 10 октября того же года к нам на работу пришел Гена Дейкало (ныне начальник всех вычислительных классов мат-меха), который отслужил около 3,5 лет в Космическом ВЦ между Евпаторией и Симферополем и был настолько важным специалистом, что его полгода не отпускали из армии. Его взяли техником на ремонт перфорирующих устройств, но оказалось, что он лучше всех знает и электронику, и программирование Минска-22. Жить стало веселее.

На занятия на вечерний мат-мех я ходил аккуратно, лекции нам читали Гаральд Исидорович Натансон, Зенон Иванович Боревиц, а практику по алгебре вел тот самый Толя Яковлев из-за которого я не поступил на дневное. Одно из забавных воспоминаний этого времени – кроме меня из всей моей группы не работал никто, все имели фальшивые справки. Один мальчик умудрился получить фальшивую справку даже из Народного суда. Над тем фактом, что я, правда, работаю, потешались все. Многие ходили

на дневные занятия как обычные студенты. Потом, при переходе с вечернего на дневное, им не пришлось ничего пересдавать.

Работа в «Ленэлектронмаше» мне очень нравилась. Мы делали АСУ для Краснодарского завода измерительных приборов, которая в числе 5 реально работающих АСУ была упомянута на каком-то Съезде КПСС. Я отвечал за подсистему комплектующих изделий. Руководителем всех работ был Виталий Линденбаум, который работал не в ВЦ, а в большом «Ленэлектронмаше» (Красная, 7). Помню, как я донимал его вопросами, почему мы не занимаемся оптимизациями, а только «из двух файлов склеить третий». Он доходчиво объяснил, что мы – «ассенизаторы»: на заводе 20-30 типов бланков заказов, 30-40 бланков отчетов и т.д., наша задача – навести хотя бы минимальный порядок. Вы будете смеяться, но в наше время постановка задачи нисколько не изменилась.

Параллельно мы с Геной Дейкало занимались рационализаторством (6 документально оформленных «рацух»). Оказалось, что в Минске-22 есть огромный избыток аппаратуры, который отлично можно приспособить для других целей. Кончилось тем, что мы сделали Автооператор, который запускал очередное задание после завершения (успешного или аварийного) предыдущего. Теперь это называется пакетной обработкой, но такой термин в русском языке появился лет через пять после нас. Мы попытались получить авторское свидетельство на Автооператор, но получили издевательский ответ, что всё это уже известно в Америке под именем OS/360. Откуда нам было про это знать за «железным занавесом»? Но все-таки обратите внимание, что в те времена отставание было 3-5 лет (IBM 360 была объявлена в 1964 году), а не десятки лет, как сейчас. Через три года инженеры мат-меха решили сделать то же самое на М-20. Они слышали, что кто-то в «Ленэлектронмаше» подобную вещь сделал, но не знали кто. Меня разыскал Александр Николаевич Балувев и очень удивился, узнав, что я студент мат-меха.

Первый курс вечернего отделения я окончил на одни пятерки и спокойно уехал в отпуск на юга. Когда вернулся, с удивлением обнаружил, что меня нет в списках студентов вечернего отделения. Зам.декана по вечернему отделению Светлана Михайловна Владимирова в ответ на мои возмущенные вопли спокойно сказала, что мне лучше быть студентом дневного, поэтому она перевела меня даже без моего заявления. Я немного поупирался, поскольку работа мне очень нравилась, но все решилось благополучно, когда директор ВЦ «Ленэлектронмаша» оставил меня под свою ответственность на полной ставке руководителя группы, несмотря на то, что я студент дневного отделения. Те ребята, который учились со мной в одной группе на вечернем отделении, закончили мат-мех через 3-4 года после меня, у некоторых из них я был научным руководителем дипломного проекта или рецензентом. С.М. Владимирову я больше не видел, но всегда хотел ей сказать спасибо за то, что она за меня все решила.

Дневной мат-мех

С переходом на дневное отделение в моей жизни почти что ничего не изменилось. Как и раньше, я работал с утра до позднего вечера, мы любили ночные смены, когда весь компьютер твой, с ним можно работать, как ныне с персональной ЭВМ.

Миша Стерлин тоже завершил первый курс без единой четверки и его перевели на отделение математики, так что в 22-ой группе мы снова сидели с ним за одной партой, как в школе.

На дневном отделении за первый курс начитали гораздо больше материала, чем на вечернем, поэтому предстояло досдать несколько дисциплин. Г.И. Натансон экзамены по анализу мне просто перезачел, к моему счастью, когда я учился на вечернем, матлогику читал профессор Н.А. Шанин по субботам, поэтому я не пропустил ни одной лекции и спокойно получил зачет вместе со всеми. С алгеброй было хуже, пришлось второпях сдавать довольно большую разницу и я получил первую для себя на мат-мехе «4». Еще одну четверку я получил по аналитической геометрии. В те годы стипендию давали только тем студентам, у кого доход в семье был меньше ста рублей «на брата». В нашей семье это было не так, поэтому я остался без стипендии (35 р.). Чуть позже я узнал, что отличникам дают стипендию (43 р.) в любом случае, поэтому больше я не получал четверок. На четвертом курсе я женился на своей одногруппнице Гале Максютовой, которая презрительно относилась ко всяким гуманитарным марксистско-ленинским наукам, никогда их не учила и спокойно получала четверки. При мне она ни одной четверки не получила (и получала повышенную стипендию, которая в это время достигла 62,5 р.), я ей доходчиво объяснил, что разница в 15 рублей – это стоимость комнаты, которую мы снимали. Квартиру тогда можно было снять за 25-30 рублей (т.е. за две разницы).

Ни в какие стройотряды я не ездил, лето было для меня самая трудовая пора, поскольку кроме «Ленэлектронмаша» я стал работать еще во всяких других местах. Не то, чтобы я был очень жадным, просто год вечернего мат-меха показал мне разницу между студентом, изучающим программирование, и реальным программистом. А я был таким реальным программистом. Тогда каждый студент получил карту времени – перфокарту, на которой отмечалось время, затраченное на пропуск его заданий на М-20. Все мои задачи проходили с первого раза, а карту времени я использовал для халтур. Один студент нашей группы стал практиковать выполнение студенческих программистских заданий за 3 рубля с человека. Меня это страшно возмутило, чтобы сбить ему эту систему, я объявил, что всем студентам делаю их программы совершенно бесплатно, но забирал их карты времени. В результате, я получил возможность просчитывать на машинах мат-меха десятки задач, я писал на заказ кандидатские диссертации по техническим наукам (например, моделирование поворота подводной лодки), по химии (очистка редкоземельных металлов через дорожные смолы) и даже по филологии (по тому, что буква «Ф» в поэме Пушкина «Полтава» встретилась только три раза, какой-то филолог доказал, что буква «Ф» появилась в русском языке позже других).

Первая моя публикация – «Код Шеннона-Фено по методу Хаффмана» была в маленьком мат-меховском сборнике, а первая публикация во всесоюзном журнале появилась как раз в результате халтуры на заводе им. Свердлова. Там делали шлифовальные станки с магнитным столом, чтобы деталь не двигалась и не крутилась, нужно было рассчитать интегралы сил и моментов, а в этих интегралах была дробь, в знаменателе которой иногда встречался 0. Мне удалось найти чисто программистское решение этой проблемы, грубо говоря, я сначала рассчитывал кривую, которая приводила к нулю в знаменателе, а потом считал интегралы слева и справа от этой кривой. Расчеты идеально совпали с практикой, здесь я впервые столкнулся с явлением приписывания соавторов. Сначала мы выступили на какой-то маленькой городской конференции с Гальпериным Борисом Яковлевичем, который и заказал мне эту работу, потом на более крупной конференции к нам приписался начальник его отдела, а во всесоюзном журнале «Вопросы машиностроения» к нам приписался еще какой-то кандидат технических наук, которого я и в глаза не видел.

Когда я закончил школу, у меня был рост 163 см. Я обожал баскетбол, но у меня не было никаких шансов. За первый курс я вырос на 20 см, а за первый год после женитьбы я с 46 размера я перешел на 56. На встречах класса меня никто не узнает. Когда я перешел на дневное отделение, то сразу же рванул на баскетбольную секцию, но ее тренер Виктор Иванович Рудакас меня не взял (сказал, что я слишком хилый). Я сумел пробиться в команду завода Большевик, стал известным на весь город костоломом (если я пробивал штрафные меньше 20 раз за игру, тренер на меня орал, что я халтуру). Мы играли в той же лиге, что и Университет, Рудакас на меня очень обижался, а за что? Позже я стал играть под его руководством на Первенстве города среди сотрудников вузов. Как-то раз мы даже стали чемпионами.

Второй и третий курсы мат-меха мне ничем особенным не запомнились. Я учился только на пятерки и вкалывал на своих многочисленных работах. В группе я сдружился только с теми парнями, с которыми играл в баскетбол. Ни в каких диссидентских разговорах я не участвовал, хотя таковые бывали. Мне это было просто неинтересно. Вот о чем я действительно сейчас жалею, что я не ходил на лекции известных ученых на других факультетах, например, Гумилева. Мои одноклассники ходили, много рассказывали про такие лекции, это было интересно, но мне было просто некогда. Военная кафедра пролетела для меня незаметно, на втором курсе я сдал на год вперед электронику, а на третьем на год вперед программирование, так что на четвертом курсе у меня были проблемы: я не знал, как встать, как представиться, начать ответ и прочее. Начальником нашего цикла был полковник Аникеев, которого мы звали Ахинеев или даже еще круче. Он меня сильно не любил, но когда у нас была проверка из академии Можайского, ко мне домой приехал нарочный, попросил, чтобы я все-таки приехал и сказал, какой вопрос меня спросят. Я приехал, ребята попросили меня отвечать поподробнее, чтобы до них не дошла очередь, я закатил лекцию на целый час. Майор-проверяющий был в восторге, пригласил меня к ним на работу, а после Аникеев закатил мне выговор, потому что я во время ответа расхаживал по комнате и нарушил еще кучу правил.

Кафедра матобеспечения ЭВМ

Сотрудник деканата приезжал ко мне домой ещё раз и по более серьезному поводу. Надо сказать, что в середине второго семестра четвертого курса я женился и по этому поводу вообще перестал ходить на мат-мех. В принципе, посещаемость тогда проверяли, но как-то не очень внятно, может быть, потому что я учился на «отлично», ко мне вообще не приставали. А тут приезжает пожилой дяденька, я его встречал в деканате, но даже не знал, кем он там работал, и говорит, что меня вызывает декан. Деканом в то время был Сергей Васильевич Валландер, но он все время болел, поэтому реальная власть была у зам.декана Зенона Ивановича Боревича. С Боревичем я никогда никаких дел не имел, поэтому, получив такой вызов, испугался, что речь идет об отчислении с мат-меха за вопиющие пропуски занятий. Делать нечего – поехал. Но речь зашла совсем о другом. Оказалось, что из Министерства образования пришла бумага с требованием образовать новую кафедру – кафедру математического обеспечения ЭВМ. Много позже я узнал, что бумага, разумеется, пришла не случайно: ученые мат-меха, особенно Сергей Михайлович Ермаков, много сделали для того, чтобы такая кафедра была образована. Но, еще раз повторюсь, тогда я ничего об этом не слышал. Боревич сказал, что факультет хотел бы, чтобы первый выпуск этой кафедры был бы достаточно сильным и поручил мне организовать агитацию среди студентов за переход на новую кафедру. Естественно, я спросил, почему выбор пал на меня. Боревич сказал, что он навел справки и узнал, что я довольно известен в программистских кругах. Более того, он дал мне довольно широкие полномочия, вплоть до того, что я мог показать пальцем на понравившегося мне студента и того в приказном порядке могли перевести на новую кафедру.

Разумеется, я с самого начала понимал, что так я делать не могу, что люди идут на кафедры в соответствии со своими интересами и желаниями, поэтому приказного перевода никто не потерпит – меня все возненавидят. Например, мой близкий приятель, с которым я регулярно играл в баскетбол, Вова Добулевич учился на кафедре алгебры, был отличником, но хорошо понимал, что аспирантура ему не светит, так как на нашем курсе были очень сильные алгебраисты. Я ему пытался объяснить, что он все равно будет работать программистом, но «прачкой» (в принципе, так и получилось, но большие способности и мат-меховское образование дали ему возможность выделиться и на этом поприще). В ответ Вова сказал, что хоть два года, но позанимается любимой алгеброй, а дальше – будь, что будет. Таким образом, в связи с поручением декана я попал в трудную ситуацию.

Я поступил следующим образом. Во-первых, договорился с Марком Константиновичем Гавуриным (вообще-то, его настоящее имя-отчество было Мордух Калманович, но все звали его именно так, как я сказал), чтобы он на каждой своей лекции давал мне 15 минут для произнесения речи. Во-вторых, я вообще не стал упоминать о кафедре и моем поручении. В первый раз я вышел и сказал: «Вот, неделю назад я получил 200 рублей за работу по моделированию поворота атомной подводной лодки». Подробно рассказал про задачу, что я там программировал, как я доказывал, что мои результаты адекватны и так далее. Гавурин хорошо знал, зачем я это делаю, но даже вида не подал,

что я говорю что-то не то. Через неделю я сказал, что я получил еще 150 рублей, решив задачу вариационного исчисления в интересах очистки редкоземельных металлов. На третьей неделе я тоже начал о чем-то рассказывать, но тут народ взвился и все стали требовать объяснения, к чему я клоню. Тут я всё и рассказал. Мне удалось уговорить 15 человек, семь из которых впоследствии получили красный диплом. Еще двух девушек кто-то уговорил и без меня. Поскольку все новые студенты кафедры имели только начальные знания о программировании, полученные на первом-втором курсе мат-меха, я организовал кружок по технике трансляции, на котором рассказывал, чем мы занимаемся в рамках проекта реализации Алгола 68. Никакой конкретики, договора или еще чего-либо в этом роде тогда еще не было, но мой научный руководитель Григорий Самуилович Цейтин уже поставил перед нами эту задачу.

Кстати, уже будучи студентом пятого курса, я поехал подписывать первый договор по этой теме в Москву в НИЦЭВТ (старшие товарищи по разным причинам уклонились от этой работы). Так получилось, что я поехал на вокзал сразу после игры, где мне поставили огромный кровотокающий синяк под глазом. Я очень беспокоился, что этот печальный факт создаст обо мне негативное впечатление и договор не подпишут. Но, на мое счастье, зам.генерального директора НИЦЭВТа Хахалин оказался мастером спорта по боксу и сказал, что синяк – это нормальное мужское дело. Именно в этот памятный визит я впервые познакомился с будущим академиком Андреем Петровичем Ершовым, который сам приехал подписывать контракт на оптимизирующий транслятор с Алгола 68, а мы делали отладочный транслятор.

На новой кафедре я стал штатным преподавателем, практически со всеми беседовал долгими часами. Как-то программировать умели все, но что такое системное программирование, практически никто не знал. Я рассказывал про свои работы, помогал сформулировать темы дипломных работ, а потом консультировал в ходе работы над ними. По крайней мере, 6 дипломных работ я знал не хуже их авторов. Особенно много пришлось заниматься с двумя венграми – Сёке Петером и Андрашем Шоймоши. Формально, у Петера руководителем был Г.С. Цейтин, а у Андраша – Б.К. Мартыненко, но им было как-то легче общаться со мной, чем со своими научными руководителями. Оба потом защитили кандидатские диссертации, Андраш сейчас профессор Технического Университета Берлина, а Петер живет и работает в Вене. Из нашего первого выпуска Света Селеджи теперь зам.декана мат-меха, Наталия Вояковская – старший преподаватель моей кафедры, единственная среди наших орденоносцев, отмеченная этой наградой за то, что тренировала первых российских чемпионов мира по программированию среди студентов, моя жена Галя Терехова уже на пенсии, но всю жизнь успешно проработала на мат-мехе программистом. Женя Русаков по-прежнему работает на мат-мехе, мы с ним учились на первом курсе в одной группе на вечернем отделении. Толя Нырков сейчас профессор в Университете водного транспорта, я был у него оппонентом по докторской диссертации.

Военные сборы

После 4-го курса мы поехали на военные сборы в Пери (сразу за Кавголово). Я начал с нескольких нарядов вне очереди, так как не захотел подстригаться, а прическа у

меня была, как у Анжелы Дэвис (сейчас я практически лысый). Но потом жизнь наладилась, было даже интересно. Запомнилось, как какой-то майор объяснял нам, математикам, азы теории вероятности: «Как N изделиями лучше обслужить M целей». Имелось в виду, как истратить минимальное количество ракет на поражение заданного количества целей. Слово «обслужить» после этого много лет было у нас любимым. Что было хреново – так это еда. Зеленые соленые помидоры и перловая каша с толстым слоем зеленого жира – это что-то! Меня и моих друзей спасала моя жена, которая приезжала каждое воскресенье с огромной сумкой еды и нас кормила. Мы считались курсантами, а не солдатами, поэтому официальных жен допускали на территорию части в выходные. Как я уже говорил, меня сильно «гнобил» полковник Аникеев, это продолжалось и в части, в частности, он запрещал мне встречи с женой, мотивируя моими внеочередными нарядами. Но и тут мне удалось найти выход – старшиной нашей роты был товарищ из Белоруссии (кажется, его фамилия была Янукович), который говорил «вешэство». Как только я упомянул, что моя жена из Гродно (естественно, я сказал «с Хгродна»), он тут же проникся ко мне добрыми чувствами и по воскресеньям отпускал меня «под забор» – территория части была огромной, можно было, не выходя из части, хорошо спрятаться.

На четвертом курсе я был секретчиком на военной кафедре. В мою обязанность входило получать чемодан с секретными книгами и под пропуском выдавать их студентам. Естественно, я не следил за этим так уж тщательно. Как-то раз один из студентов нашей группы забыл дома пропуск, прошел на военную кафедру по чужому пропуску, соответственно, книгу из секретного чемодана взял, не положив туда пропуск. На нашу беду, с проверкой пришел подполковник Чечин – главный секретчик военной кафедры (на первом занятии кафедры на втором курсе он учил нас секретности, используя очень забавные и очень неприличные примеры), потребовал сдать все книги, слава богу, все книги оказались на месте, но поскольку нарушение было замечено, всей нашей группе запретили выдачу книг. Поэтому на госэкзамен по военке мы шли с половиной невыученных билетов. Перед началом госэкзамена Аникеев публично заявил, что он сдохнет, но не даст мне получить красный диплом, и спрашивать меня он будет лично. Но прямо во время экзамена его вызвали к телефону по звонку из Генштаба, потом оказалось, что он попал в число военных советников в Египет. А пока он говорил по телефону, я успел проскочить и получить свои пять баллов. Пусть после этого кто-нибудь усомнится, что я не самый главный «прушник».

В лагерях я очень сдружился с Ваней Линником, который был из другой группы, но наши койки стояли рядом. Это был очень добродушный, веселый человек, большой любитель выпить, но при этом большая умница. К сожалению, вскоре он утонул на зимней рыбалке. Я сам большой любитель рыбалки, но после этого лет 30 на зимнюю рыбалку не ходил.

На сборах нам устроили множество спортивных состязаний с солдатами части. Мы выиграли в футбол, волейбол, баскетбол. Почему-то особенно офицеров части достал проигрыш их подчиненных в баскетбол. Нам предложили сыграть против сборной

офицеров, мы выиграли и у них, но были в буквальном смысле все в крови. Офицеры играли очень грубо, да еще и игра проходила на бетонном покрытии. Я потом с ними немного побеседовал, оказалось, что почти все они – выпускники киевских военных училищ.

Общественники

Моя жена отвечала за академ. работу курса, иногда рассказывала забавные истории, как она ходила домой к преподавателям просить за двоечников. Вместо того, чтобы за кого-то просить, я с этими двоечниками занимался. Тогда было принято, что группа в 3-5 человек перед экзаменом собирается у кого-нибудь на квартире или в общежитии, так как вечно не хватало конспектов, книг и т.д., да, и готовиться коллективно легче – можно обсудить сложный вопрос, кто-то что-то вспомнит. Так вот, моя жена готовилась к экзаменам в компании с отличниками, а я со своими друзьями-спортсменами, которые почему-то были всегда среди неуспевающих. Одному из тех, с кем я занимался, – чемпиону Ленинграда по боксу в тяжелом весе – моя мама-врач выписывала справки о его болезни. Он таки кончил мат-мех, но через 5 лет. Зато нам ничего не стоило в два часа ночи выйти во двор поиграть в хоккей, когда заниматься было уже невмоготу.

Организаторы подготовки данного сборника воспоминаний почему-то задали несколько вопросов про наше отношение к комсомолу в студенческие годы. Мне сказать почти что нечего. К комсомольским лидерам я относился с подозрением, считал их карьеристами. Перед самым дипломом у нас в группе один студент был осужден за хулиганство, причем история была весьма некрасивой. Как водится, в группе состоялось комсомольское собрание, на котором мы должны были подписать характеристику этому парню. Комсомольские вожаки организовали бешеное давление на студентов нашей группы, что, мол, зачем портить парню жизнь. А на самом деле, я уверен, боялись получить пятно на комсомольскую организацию мат-меха. Им это даже удалось, против положительной характеристики проголосовало всего два человека – моя жена и я. Хулигану это не помогло, ему дали 10 месяцев настоящей тюрьмы. Я сам на суде не был, но мне рассказывали, что женщина-судья обругала студента нашей группы, зачитывающего положительную характеристику. Еще один случай: в военных лагерях мы поймали с поличным парня, который воровал книги и другое имущество у своих же студентов. Он оказался членом партии. Из партии его не исключили, «партия – это не проходной двор, надо воспитывать». После таких случаев (я рассказал только о двух из них) я твердо решил держаться подальше от общественной работы.

Заключение

С мат-мехом связана вся моя жизнь. После перевода на дневное отделение моя трудовая книжка ни разу не покидала стен Университета. Я был лаборантом, техником, младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией системного программирования, сейчас я веду кафедру системного программирования. Если учесть, что первой моей официальной позицией была

должность руководителя группы служебного программирования в «Ленэлектронмаше», а именно так тогда называлось системное программирование, то можно сказать, что я всю жизнь работаю системным программистом. В этих воспоминаниях я коснулся только пятилетия моей учебы на мат-мехе. Надеюсь, что когда-нибудь я соберусь с силами и опишу свою работу на факультете в следующие годы.

Зав.кафедрой системного программирования СПбГУ

Генеральный директор ЗАО «Ланит-Терком»

Генеральный директор ГУП «Терком»

Доктор физ-мат наук, профессор А.Н.Терехов